

Владимир Проценко.

НЕ ТОЛЬКО «У РЫЦАРЯ».

**История из производственно-ознакомительной практики
летом 1977 года в Праге**

В один из погожих воскресных дней августа, свободный от официальных мероприятий, мы с Андреем Лукшиным решили прогуляться по Праге. Неторопливые пешие прогулки давали возможность ощутить ритм жизни большого города, напитаться только ему присущим духом, окунуться в его неповторимость. Подробнейшая карта Праги, которую нам подарили коллеги из Карлова университета, позволяла чувствовать себя в незнакомом городе более чем уверенно. За время пребывания в Праге Андрей проникся трепетным отношением к готическому стилю в архитектуре (подозреваю, что произошло это не без воздействия величественного собора Святого Вита), и каждое новое строение в этом стиле вызывало в нем бурю эмоций. Поэтому поиск новой «готики» стал целью нашей прогулки. Всё складывалось удачно – солнце светило ярко, число пометок на нашей карте росло, наше эмоциональное состояние располагало к любви ко всему человечеству.

И случай проявить такую любовь не замедлил сказаться. Прямо перед нами на тротуаре возник сидящим на огромном чемодане хрупкий юноша арабского вида лет двадцати. Рядом стояла внушительных размеров спортивная сумка. Изрядно уставший, он обреченно смотрел на прохожих, всем своим видом демонстрируя, что жизнь не удалась. Скажите, разве мог настоящий советский человек пройти в Праге мимо страдающего арабского юноши? Вот и мы не прошли. Объяснение было долгим. Немецкий язык, которым хорошо владел Андрюша, совершенно не понадобился. Обрывки фраз на английском, арабском и чешском под аккомпанемент невероятной жестикуляции позволили лишь отчасти прояснить ситуацию. Оказалось, что юноша прилетел в Прагу из Судана для обучения на подготовительных курсах в Чешском техническом университете. А как он оказался именно в этом месте, уразуметь не представилось возможным. Зато представился редчайший случай прямо в Праге укрепить советско-суданскую дружбу, которая в то время на официальном уровне уже дала трещину.

Из предъявленного приглашения на въезд в Чехословакию удалось определить место размещения – общежитие университета. А дальше, имея на руках подробную карту Праги, – дело техники. Мы всеми доступными способами пытались объяснить арабскому коллеге, как добраться до места назначения, но... «донт андэстэнд» был ответ на все наши старания. По мере того как русская речь становилась все отвязнее, лицо суданца становилось все мрачнее.

Солнце тем временем склонялось к закату. В глубине души мы уже начали сожалеть о своем воспитании, которое нахально взывало исполнить интернациональный долг до конца. После короткого совещания советской

стороной было принято единогласное решение сопроводить бедолагу до самого общежития. Так как денег на пражское такси у советской стороны тоже не было, решили передвигаться на общественном транспорте. Благо остановка автобуса была почти рядом. Известие о принятом решении, доведенное до сведения суданской стороны большей частью жестами, было принято с бурным восторгом. Но как только Андрюша протянул руку к чемодану, чтобы помочь, благодать с лица суданца как-то резко слетела. Он судорожно вцепился в ручку чемодана, решительно защищая частную собственность от посягательства двух неизвестных из Москвы, которые превосходили его не только в численности, но и в комплекции. Причем в последнем весьма значительно.

На моей памяти это был единственный случай, когда обезоруживающая улыбка Андрюши Лукшина не возымела решительно никакого действия. Скорее наоборот – искренность наших намерений была подвергнута жесткой обструкции. Однако интернациональное воспитание продолжало взывать, и мы вынуждены были сменить тактику – проявили уважение к неприкосновенности частной собственности.

К остановке двигались небольшими перебежками. Мы с картой, суданец то с сумкой, то с чемоданом попеременно. При посадке в автобус неприкосновенность пришлось нарушить – суданскую частную собственность переместили на заднюю площадку салона только с помощью шести рук в несколько приемов. В автобусе было много пассажиров, и суданец немного просветлился в лице. Хотя продолжал с опаской поглядывать в нашу сторону. Мы же, полностью подчинив себя благородной миссии, обсуждали подробности дальнейшего маршрута.

От остановки, на которой мы разгрузили своего подопечного, до общежития было еще с полкилометра пути пешком. Смеркалось. Людей в узких улочках Праги становились все меньше. Суданец заметно нервничал. Неопределенность ситуации его по-прежнему пугала. Тащить свой груз одному уже не было никаких физических возможностей. Запредельная усталость постепенно притупляла инстинкты, и это стало решающим фактором в осуществлении нашего интернационального долга. Нам было позволено не только прикоснуться к частной собственности, но и помочь переместить ее к месту назначения.

Зрение обитателя пустыни оказалось острее – он первым прочитал адрес и вывеску на здании общежития. Радости его не было предела. Сначала он исполнил ритуальный танец из нескольких па со звуковым сопровождением, затем бросился нас обнимать и благодарить, прижимая руки к груди с видом «суданец и русский – братья навеки». Судя по всему, он, наконец, убедился в искренности намерений советской стороны по оказанию бескорыстной помощи представителю дружественного Судана.

С того дня тост за советско-суданскую дружбу в кафе «У рыцаря» звучал до самого отъезда из Праги. К сожалению, ни наша с Андрюшей акция, ни провозглашаемые тосты результатов не дали – отношения с Суданом с тех пор только ухудшались... Да я больше никогда и не встречал ни одного суданца.

Постскриптум редактора сайта.

А вот мне удалось с суданцами и повстречаться, и пообщаться. Правда, не с арабами, а с неграми (вроде, в русском языке это слово еще не запрещено в связи с политкорректностью). Произошло это в 2008 году во время моего отдыха в египетском Шарм-Эль-Шейхе, как раз накануне глобальной встречи курса. На прогулочном катере, совершавшем шестичасовой круиз по заливу Акаба, собралась веселая интернациональная компания из русских, украинцев, англичан и суданцев при египетском, разумеется, экипаже.

Целью плавания было купание на коралловых рифах у противоположного, принадлежащего Саудовской Аравии, берега залива, в том месте, где 28 лет назад напоролся на эти самые рифы и затонул какой-то советский сухогруз.

«Зажигали» в тот день украинские товарищи. Большая их часть были депутатами одного западноукраинского областного центра, плюс их дети и жены. На катер парламентарии пришли с большим количеством еды и спиртного, чтобы отметить день рождения одного из них.

Несмотря на принадлежность к различным политическим партиям (в делегации был даже православный, московского патриархата, батюшка, представлявший... партию коммунистов), совместная трапеза проходила в дружеской, без мордобоя (как это бывало в украинских парламентских «верхах») обстановке, хотя и не без политических «подколов».

Приглашен был поучаствовать в трапезе и я, как представитель сопредельной иностранной державы, и, надо отметить, такого вкусного сала, как в тот день, мне не доводилось пробовать ни до, ни после.

Две молодые негритянских пары скромно сидели в это время в тенёчке на верхней палубе, держась подальше от разгоряченных спиртными напитками депутатов. Поднявшись из трюма на свежий воздух, я невольно с ними разговорился. Все четверо оказались медиками, недавними выпускниками Хартумского университета. Причем людьми вполне светскими. Одна из дам, педиатр, даже стажировалась полгода в одной из клиник Москвы. Так что «советско-суданская» дружба со временем все-таки была продолжена в виде «российско-суданской», и как знать, может быть, не без участия «того» суданца.

Дама непринужденно общалась со мной по-английски (ее русский язык был все же хуже моего английского), и муж вроде бы не выказывал признаков недовольствия.

Денёк был жаркий, рыбок всевозможных форм и расцветок на рифах было видимо-невидимо, и мне было очень жаль, что принадлежность к исламу суданских дам не позволила им выкупаться вместе со всеми...

Вячеслав Губочкин